

1001 ночь.

Сказка об Абу-ль-Хасане из Омана

Рассказывают также, что халиф Харунар-Рашид однажды ночью сильно мучился бессонницей. Он позвал Масрура и, когда тот явился, сказал ему: "Приведи ко мне скорее Джафара!" И Масрур пошел и привел его, и когда Джафар остановился перед халифом, тот сказал: "О Джафар, на меня напала сегодня ночью бессонница и прогнала от меня сон, и я не знаю, как избавиться от нее". – "О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – мудрецы говорят: "Взгляд в зеркало, посещение бани и слушание пения прекращают заботы и размышления". – "Джафар, – сказал халиф, – я все это делал, но ничто не помогает, и я клянусь моими пречистыми дедами, если ты не найдешь способ прогнать от меня бессонницу, я отрублю тебе голову". – "О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – сделаешь ли ты то, что я тебе посоветую?" – "А что ты мне посоветуешь?" – спросил халиф. И Джафар сказал: "Сядем в лодку и спустимся на ней по реке Тигру, вместе с течением воды, до местности, называемой Карн-ас-Сарат, – может быть, мы услышим то, чего не слышали, или увидим то, чего не видали, ибо сказано: "Рассеется забота от одного из трех дел: пусть увидит человек то, чего не видал, или услышит то, чего не слышал, или вступит на землю, на которую не вступал". – "Может быть, это будет причиной прекращения твоей тревоги, о повелитель правоверных".

И тогда ар-Рашид встал со своего места и пошел вместе с Джафаром, его братом альфадлом, Исахом собутыльником, Абу-Новасом и Абу-Дулафом [658] и Масруром меченосцем..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок шестая ночь

Когда же настала девятьсот сорок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф встал со своего места и пошел вместе с Джафаром и остальными людьми. И они вошли в комнату одежд, и все оделись в платья купцов, и, направившись к Тигру, сели в лодку, украшенную золотом, и спустились по течению реки, пока не достигли того места, куда направлялись. И они услышали голос девушки, певшей под лютню и произносившей такие стихи:

"Сказал я ему, когда появились вина,

А соловей уж пел в ветвях деревьев;

"Доколе медлить будешь ты в веселье?

Очнись – ведь жизнь нам лишь займы дается!;

Бери вино от друга дорогого,

В чьем взоре томность лишь и сокрушение.

Я на щеках его посеял розы,

И меж кудрей они гранат взрастили.

Считаешь ты на нем места ударов золой холодной: но ланиты – пламя,

Хулитель говорит: "Его забудь ты!"

Как оправдаться, раз пушок доносит?"

И халиф, услышав этот голос, воскликнул: "О Джафар, как прекрасен этот голос!" И Джафар отвечал: "О владыка наш, не касалось моего слуха ничего приятнее и лучше этого пения, но только, о господин мой, слушать из-за стены, значит слушать наполовину, каково же будет слушать из-за занавески?" – "Пойдем, о Джафар, – сказал халиф. – Явимся, непрошенные, к хозяину этого дома, и, может быть, мы увидим певицу воочию". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал Джафар. И они вылезли из лодки и попросили позволения войти, и вдруг к ним вышел юноша, красивый на вид, с нежными словами и красноречивым языком, и сказал: "Приют и уют, о господа, оказывающие мне милость! Входите, ширина вам и простор!" И они вошли (а юноша шел перед ними) и увидели дом, выходящий на четыре стороны, и потолки в нем были позолоченные, а стены были разрисованы лазурью. В доме был портик, под которым стояла красивая скамья, а на ней сидели сто невольниц, подобных лунам. И юноша закричал на них, и они сошли с сидений, а затем хозяин дома обернулся к Джафору и сказал: "О господин, я не отличаю среди вас высокого от высшего. Во имя Аллаха! Пусть пожалует тот из вас, кто всех выше, на почетное место, а товарищи его пусть садятся, каждый по чину". И все сели на свое место, а Масрур стоял перед ними, прислуживая, и хозяин дома сказал: "О гости, с вашего позволения – не принести ли вам чего-нибудь съестного?" И ему ответили: "Хорошо!" И тогда он велел невольницам принести еду, и пришли четыре невольницы с перетянутым станом, неся перед собой стол, на котором были диковинные кушанья из того, что ходит, летает и плавает в морях, – ката, перепелки, цыплята и голуби, и по краям скатерти были написаны подходящие к месту стихи. И пришедшие поели вдоволь и вымыли руки, и юноша сказал: "О господа мои, если у вас есть нужда, скажите нам о ней, чтобы мы почтили себя ее исполнением". И пришедшие ответили: "Хорошо! Мы пришли в твое жилище только из-за голоса, который услышали за стеной твоего дома, и хотим услышать его и узнать его обладательницу, и, если ты решишь пожаловать нам это, это будет от твоих благородных качеств, а потом мы вернемся туда, откуда пришли". – "Добро вам пожаловать!" – сказал юноша. А затем он обернулся к одной черной невольнице и сказал ей: "Приведи твою госпожу такую-то". И невольница ушла, и пришла, неся скамеечку, и поставила ее, и ушла вторично, и вернулась с девушкой, подобной луне в ее полноте, и девушка села на скамеечку, а затем черная невольница подала ей атласный чехол, и девушка вынула из него лютню, украшенную драгоценными камнями и яхонтами, а колки ее были из золота..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала девятьсот сорок восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка, когда пришла, села на скамеечку и вынула лютню из чехла, и вдруг оказалось, что она украшена драгоценными камнями и яхонтами, а колки ее – из золота. И девушка подтянула струны лютни, и она была такова, как сказал о ней и о лютне ее поэт:

Она обняла ее, как нежная мать дитя,

На лоне своем, и ярко блещут колки ее.

Коль правую шевельнет рукой, чтоб настраивать,

Сейчас же другой рукой поправит колки она.

И затем она прижала лютню к груди и склонилась над ней, как мать склоняется над ребенком, и прошлась по ее струнам, которые жалостно вскрикнули, как кричит ребенок, зовя мать. А потом она ударила по струнам и произнесла такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"О, вернет пусть время любимого для укоров мне!

Мой друг, ты чашу вокруг пусти и пей вино,

Что с кровью сердца мужа лишь смешается,

И тотчас полон радости, восторга он.

Ветерок берется нести его вместе с чашею,

Но видал ли ты луну полную, что звезду несет?

Как часто ночью я с луной беседую,

Над Тигром ночи сумрак озаряющей,

И склоняется месяц к западу, как будто бы

Протянул он меч позолоченный над гладью вод".

А окончив свои стихи, девушка заплакала сильным плачем, и все, кто был в доме, закричали, плача, так что едва не погибли, и не было среди них никого, кто бы не исчез из мира, не разорвал бы своих одежд и не бил бы себя по лицу из-за красоты ее пения. И ар-Рашид сказал: "Поистине, пение этой девушки указывает на то, что она влюбленная-разлученная". И ее господин ответил: "Она потеряла мать и отца". И ар-Рашид воскликнул: "Это не плач того, кто потерял отца и мать, это тоска того, кто лишился любимого". И ар-Рашид пришел в восторг и сказал Исхаку: "Клянусь Аллахом, я не видел ей подобной!" И Исхак молвил: "О господин мой, я дивлюсь на нее крайним удивлением и не владею своей душой от восторга".

А ар-Рашид при всем этом смотрел на хозяина дома и вглядывался в его прелести и изящество его черт. И он увидел у него на лице следы желтизны, и обратился к нему, и сказал: "О юноша!" И юноша ответил: "Я здесь, о господин". И ар-Рашид спросил его: "Знаешь ли ты, кто мы?" – "Нет", отвечал юноша. И Джафар сказал: "Хочешь ли ты, чтобы мы сказали тебе, как имя каждого из нас?" – "Да", – отвечал юноша. И Джафар молвил: "Это повелитель правоверных и сын дяди господина посланных", – и назвал ему имена остальных пришедших. А после этого ар-Рашид сказал: "Хочу, чтобы ты рассказал мне про желтизну, которая у тебя на лице, приобретенная ли она, или коренная, со времени рождения?" – "О повелитель правоверных, сказал юноша, – мой рассказ удивителен, и дело мое диковинно, и если бы написать его иглами в уголках глаза, он бы был назиданием для поучающихся".

"Осведоми меня о нем, – сказал халиф. – Может быть, твое исцеление придет через мои руки". – "О повелитель правоверных, предоставь мне твой слух и освободи для меня твое внимание", – молвил юноша. И ар-Рашид воскликнул: "Попадай твой рассказ, – ты внушил мне желание его послушать!"

И тогда юноша сказал: "Знай, о повелитель правоверных, что я человек из купцов, торгующих в море, и род мой из города Омана. Мой отец был купцом с большими деньгами, и было у него тридцать кораблей, которые работали в море, и плата за них каждый год составляла тридцать тысяч динаров. А он был человек благородный и научил меня письму и всему, что нужно человеку. И когда пришла к нему кончина, он позвал меня и заповедал мне то, что обычно, и затем Аллах великий взял его к своему милосердию (да оставит Аллах в живых повелителя правоверных!). А у моего отца были товарищи, которые торговали на его деньги и ездили по морю. И в какой-то день случилось, что я сидел в моем жилище, вместе с несколькими купцами, и вдруг вошел ко мне один из моих слуг и сказал: "О господин, у ворот человек, который просит позволения войти к тебе". И я позволил ему, и он вошел, неся на голове что-то закрытое, и поставил это передо мной и открыл, и вдруг оказалось, что это плоды, поспевшие не вовремя, и редкости и диковинки, которых нет в нашей стране. И я поблагодарил его за это и дал ему сто динаров, и он ушел благодаря. А потом я разделял принесенное среди всех, кто был со мной из друзей, и спросил купцов: "Откуда это?" "Из Басры", – сказали они и стали хвалить плоды и описывать красоту Басры, и все они сошлись на том, что среди городов нет города прекраснее Багдада и его обитателей. И они начали описывать Багдад и прекрасный нрав его жителей, и его хороший воздух, и красивое расположение, и моей душе захотелось туда, и мечты мои привязались к тому, чтобы его увидеть. И я продал свои земли и владения, и продал корабли за сто тысяч динаров, и продал рабов и невольниц, и когда я собрал все свои деньги, их оказалось тысяча тысяч динаров, кроме драгоценных камней и металлов. И я нанял корабль, и погрузил на него деньги и все свое имущество, и плыл на нем дни и ночи, пока не прибыл в Басру. И я провел там некоторое время, а потом нанял корабль и сложил на него свои деньги, и мы плыли вниз по реке немного дней и достигли Багдада. И я спросил, где живут купцы и какое место лучше всего для жизни, и мне сказали: "Квартал аль-Карх" [659] И я пришел туда, и нанял дом на улице, называемой Шафранная, и перенес все свои деньги в этот дом, и провел там некоторое время. А затем в какой-то день я отправился на прогулку, имея с собой немного денег (а был день пятницы), и пришел в соборную мечеть, называемую мечеть аль-Мансура [660], в которой совершается соборная молитва. И когда мы кончили молиться, я вышел с людьми и пошел в место, называемое Карн-ас-Сарат. И я увидел в этой местности высокий красивый дом с балконом, выходящим на берег, и на балконе было окно. И я подошел, среди других людей, к этому помещению и увидел сидящего старика, одетого в красивые одежды, от которого распространялся приятный запах. И старик распустил свою бороду, и она разделялась у него на груди на две пряди, подобные серебряным тростям, и вокруг него стояли четыре невольницы и пять слуг. И я спросил одного человека: "Как зовут этого старика и какое его ремесло?" И он сказал: "Это Тахир ибн аль-Ала, и он содержатель девушек. Всякий, кто к нему входит, ест, пьет и смотрит на красавиц".

"Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – я уж давно хожу и ищу что-нибудь подобное!.."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок девятая ночь

Когда же настала девятьсот сорок девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша воскликнул: "Клянусь Аллахом, я уже давно хожу и ищу что-нибудь подобное!" И я подошел к старику, о повелитель правоверных, – говорил он, – и приветствовал его, и сказал: "О господин мой, у меня есть до тебя нужда". – "Что у тебя за нужда?" – спросил он. И я сказал: "Я хочу быть твоим гостем сегодня вечером". – "С любовью и охотой!" – ответил старик. А потом он сказал: "О дитя мое, у меня много девушек, и среди них есть такие, чья ночь по десять динаров, а есть такие, чья ночь по сорок динаров, а есть и такие, чья ночь стоит больше. Выбирай которую хочешь". – "Я выбираю ту, чья ночь по десять динаров", – сказал я. И затем я отвесил старику триста динаров за месяц, и он передал меня слуге, и этот слуга взял меня, и отвел в баню, находящуюся в доме, и хорошо мне прислуживал. А когда я вышел из бани, он привел меня в какую-то комнату и постучал в дверь. И к нему вышла девушка, и он сказал ей: "Бери твоего гостя". И девушка встретила меня пожеланием уюта и простора, смеясь и радуясь, и ввела меня в удивительную комнату, украшенную золотом, и я всмотрелся в эту девушку и увидел, что она подобна луне в ночь ее полноты, и ей прислуживали две невольницы, подобные звездам. И она посадила меня, и села со мной рядом, и сделала девушкам знак, и они принесли столик со всевозможным мясом – курицами, перепелками, ката и голубями, и мы ели, пока не насытились, и я в жизни не видел кушаний слаще этих. И когда мы поели, столик был убран, и принесли столик с напитками, цветами, сладостями и плодами, и я провел с этой девушкой месяц в таких обстоятельствах.

А когда месяц кончился, я сходил в баню и пришел к старику и сказал ему: "О господин мой, я хочу ту, чья ночь по двадцать динаров". – "Вешай золото", – сказал он. И я пошел, и принес золото, и отвесил старику шестьсот динаров за месяц, и он позвал слугу и сказал: "Возьми своего господина". И слуга взял меня и отвел в баню, а когда я вышел, он привел меня к дверям какой-то комнаты и постучался, и из комнаты вышла девушка: "Возьми своего гостя", – сказал он ей. И она встретила меня наилучшей встречей, и вдруг я вижу – вокруг нее четыре невольницы. И она приказала принести еду, и принесли столик со всевозможными кушаньями, и я стал есть, а когда я покончил с

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

едой и столик убрали, девушка взяла лютню и пропела такие стихи:

"О мускуса дуновенье из вавилонских стран,

Любовью моей молю – послания мои доставь!

Я знал в этих странах раньше милых жилища все – и

Возвышенной средь жилищ других они истинно!

И та в них живет, любовь к кому всех влюбившихся

Пленила, но пользы нет для них от нее совсем".

И я провел у нее месяц, а затем пришел к старику и сказал: "Хочу ту, что за сорок динаров!" И старик сказал: "Вешай золото!" И я отвесил ему за месяц тысячу двести динаров и провел с девушкой месяц, точно день, столь прекрасной я нашел ее внешность и ее общество. И затем я опять пришел к старику. А дело было уже под вечер, и я услышал большой шум и громкие голоса и спросил его: "В чем дело?" И старик сказал: "Сегодняшняя ночь у нас самая знаменитая из ночей, и все люди развлекаются в эту ночь, глядя друг на друга. Не хочешь ли ты подняться на крышу и посмотреть на людей?" И я сказал: "Хорошо!" И поднялся на крышу и увидел красивую занавеску, а за занавеской – великолепное помещение, в котором стояла скамья, и на ней были прекрасные ковры, и там сидела красивая девушка, которая ошеломляла смотривших своей красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью. И рядом с ней сидел юноша, положив руку ей на шею, и целовал ее, и она целовала его. И, увидев их, о повелитель правоверных, я не мог владеть своей душой и не знал, где я, – так ослепил меня прекрасный облик этой девушки. И когда я спустился вниз, я спросил девушку, у которой я был, и описал ей облик той девушки, и она сказала: "А что тебе до нее?" И я воскликнул: "Клянусь Аллахом, она взяла у меня ум!" И девушка улыбнулась и сказала: "О Абу-ль-Хасан, у тебя есть до нее желание?" – "Да, клянусь Аллахом, она овладела моим сердцем и умом!" воскликнул я, и девушка молвила: "Это дочь Тахира ибн аль-Ала, и она наша госпожа, а мы все – ее невольницы. Знаешь ли ты, о Абу-ль-Хасан, сколько стоит ее ночь и день?" – "Нет", – ответил я. И девушка сказала: "Пятьсот динаров, и по ней вздыхают сердца царей". – "Клянусь Аллахом, воскликнул я, – я изведу все свои деньги на эту девушку!" И я провел всю ночь, борясь со страстью, а наутро я пошел в баню и надел самые роскошные одежды из одежд царей и, придя к отцу девушки, сказал ему: "О господин, я хочу ту, чья ночь по пятьсот динаров". – "Вешай золото!" – сказал старик. И я отвесил ему пятнадцать тысяч динаров за месяц, и он взял их и сказал слуге: "Отведя его к твоей госпоже такой-то!" И слуга взял меня и привел в помещение, наряднее которого не видел мой глаз на лице земли.

И я увидел, что девушка сидит там, и когда я увидел ее, она ошеломила мой ум своей красотой, о повелитель правоверных, и была она подобна луне в четырнадцатую ночь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяност пятидесяти

Когда же наступила ночь, дополняющая до девяност пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша рассказал повелителю правоверных о качествах той девушки и продолжал: "И она была подобна луне в четырнадцатую ночь – красивая, прелестная, стройная и соразмерная; ее слова позорили звуки лютни, и как будто ее имели в виду слова поэта:

И если б она явилась вдруг многобожникам,

Ее бы сочли они за бога, не идола,

А если бы в море вдруг соленое плюнула,

То стала б вода морская от слюны сладкою.

А если монаху на востоке явилась бы,

Оставил бы он восток, пошел бы на запад он. Или слова другого;

Взглянул на нее я раз, и впали в смущение

Тончайшие мысли от чудесных красот ее.

Внушила ей мысль ее, что я ее полюбил,

И мысль эта отразилась вмиг на щеках ее

И я приветствовал девушку, и она сказала "Приют и уют, добро тебе пожаловать!" И взяла меня за руку, о повелитель правоверных, и посадила с собой рядом, и от крайней тоски я заплакал, боясь разлуки, и пролил слезы из глаз, и произнес такое двестишь:

"Люблю я разлуки ночи – я им не радуюсь,

Но, может быть, им вослед придет единенье.

Дней близости не люблю я очень – ведь знаю я,

Что будет исходом всех вещей прекращенье".

И девушка стала развлекать меня ласковыми речами, а я утопал в море страсти и боялся, хоть был вблизи, мучений разлуки из-за крайней любви и тоски. И я вспомнил горечь разлуки и отдаления и произнес такое двестишь:

"В час сближенья с нею подумал я о разлуке с ней,

И из глаз моих заструились слезы-дракона кровь.

И глаза я стал вытирать о шею красавицы

Ведь сдерживает камфара обычно кровь".

И девушка приказала принести кушанья, и пришли четыре невольницы, высокогрудые девы, и поставили перед нами кушанья, плоды, сладости, цветы и вино, подходящие для царей. И мы поели, о повелитель правоверных, и сидели за вином, и вокруг нас были цветы, в помещении, подходящем только для царя. А затем, о повелитель правоверных, невольница принесла ей парчовый чехол, и она взяла его, и вынула из него лютню, и, положив лютню на колени, прошлась по струнам, и струны жалобно позвали, как ребенок зовет мать, а девушка произнесла такое двестишь:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Вино пей всегда из рук газели изнеженной

По нежности свойств они друг другу подобны.

Поистине, пьющему усладу дает вино

Тогда лишь, когда блещут ланиты у кравчих".

И я пробыл у нее, о повелитель правоверных, в таких обстоятельствах некоторое время, пока не вышли все мои деньги, и я подумал, сидя с нею, о разлуке, и слезы полились у меня по щекам, как потоки, и я перестал отличать ночь от дня.

"Почему ты плачешь?" – спросила девушка. И я сказал ей: "О госпожа, с тех пор как я к тебе пришел, твой отец берет с меня каждый вечер пятьсот динаров, и у меня не осталось нисколько денег, а правду сказал поэт, когда сказал:

Коль беден ты, на родине ты чужак,

С деньгами ж – всем родной на чужбине".

"Знай, – сказала девушка, – что у моего отца в обычае, когда у него находится купец и он разорится, держать его как гостя три дня, а потом его выгоняют, и он никогда к нам не возвращается. Но скрывай свою тайну и таи свое дело, а я устрою хитрость, чтобы быть с тобой, до каких пор захочет Аллах, – в моем сердце великая любовь к тебе. Знай, что все деньги отца под моей рукой, и он не знает их количества. Я буду давать тебе каждый день мешок с пятью сотнями динаров, а ты будешь отдавать его моему отцу и скажешь: "Я не стану тебе давать деньги иначе как день за днем". И всякий раз, как ты отдашь ему деньги, он будет давать их мне, а я буду давать их тебе, и мы будем продолжать так, до каких пор захочет Аллах".

И я поблагодарил девушку за это и поцеловал ей руку, и я провел у нее, о повелитель правоверных, таким образом целый год.

И в какой-то день случилось, что она побила свою невольницу болезненным боем, и невольница сказала ей: "Клянусь Аллахом, я сделаю больно твоему сердцу, как ты сделала больно мне". И эта невольница пошла к ее отцу и осведомила его о нашем деле с начала до конца. И Тахир ибн аль-Ала, услышав слова невольницы, тотчас же поднялся и вошел ко мне, когда я сидел с его дочерью, и сказал: "О такой-то!" – "К твоим услугам!" – ответил я. И он сказал: "У нас такой обычай: когда с нами купец и он разорился, мы держим его как гостя три дня, а ты у нас уже год ешь, пьешь и делаешь, что хочешь".

И он обернулся к своим слугам и сказал: "Снимите с него одежду!" И они сделали это и дали мне скверную одежду ценой в пять дирхемов, и дали мне десять дирхемов, и старик сказал: "Уходи! Я не буду тебя ни бить, ни ругать, ступай своей дорогой, но если ты останешься в этом доме, за твою кровь не будет дано платы".

И я вышел, о повелитель правоверных, не зная, куда идти, и опустилась в мое сердце вся забота в мире, и охватило меня беспокойство. И я сказал себе: "Как это я приехал морем с тысячей тысяч динаров, часть которых цена тридцати кораблей, и все это остается в доме зловредного старика, и после этого я выхожу от него голый, с разбитым сердцем. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!"

И я провел в Багдаде три дня, не вкушая ни еды, ни питья, а на четвертый день я увидел корабль, направлявшийся в Басру, и сошел на этот корабль, и нанял место у его хозяина, и доехал до Басры. И я пришел на рынок, сильно голодный, и меня увидел один зеленщик, и подошел ко мне, и обнял меня, так как он был моим другом и другом моего отца. Он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось, и зеленщик сказал: "Клянусь Аллахом, это не дела разумного! После того, что с тобой случилось, что же ты задумал делать?" – "Не знаю, что делать", – сказал я. И зеленщик спросил: "Хочешь ли ты сидеть у меня и записывать мой расход и доход? Тебе будет каждый день два дирхема, сверх еды и питья".

И я согласился на это и провел у него, о повелитель правоверных, целый год, продавая и покупая, пока у меня не оказалось сто динаров, и тогда я нанял комнату на берегу реки, надеясь, что, может быть, придет корабль с товаром, и я куплю на мои динары товару и отправлюсь с ним в Багдад. И случилось в какой-то день, что пришли корабли, и все купцы пошли покупать, и я пошел с ними. И вдруг два человека вышли из трюма корабля и, поставив себе две скамеечки, сели. И купцы подошли к ним, чтобы покупать, и прибывшие сказали своим слугам: "Подайте ковер". И ковер принесли. И один из слуг принес суму, и, вынув из нее мешок, раскрыл его, и опорожнил на ковер, и вдруг я увидел, что ковер похищает взоры, так много было на нем драгоценных камней, жемчуга, коралла, яхонтов и карнеола всевозможных цветов..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша, рассказав халифу о происшествии с купцами и с мешком и о том, какие в нем были драгоценности всевозможных сортов, продолжал: "О повелитель правоверных, потом один из двух людей, сидевших на скамеечках, обратился к купцам и сказал: "О собрание купцов, я буду продавать только в сегодняшней день, так как я утомлен". И люди стали набавлять цену, пока ее размер не дошел до четырехсот динаров. И тогда владелец мешка (а у меня с ним было старинное знакомство) сказал мне: "Почему ты ничего не говоришь и не набавляешь цены, как другие купцы?" – "Клянусь Аллахом, о господин мой, – сказал я, – у меня не осталось ничего в мире, кроме сотни динаров".

И мне сделалось его стыдно, и мои глаза прослезилась, и владелец мешка посмотрел на меня – а ему было тяжело видеть мое положение – и сказал купцам: "Засвидетельствуйте, что я продал все, что было в мешке из разных драгоценностей и металлов этому человеку за сто динаров, хотя я знаю, что это стоит столько-то и столькото тысяч динаров, и это подарок ему от меня".

И он дал мне суму, и мешок, и ковер со всеми бывшими на нем драгоценностями, и я поблагодарил его за это. И все купцы, что присутствовали, стали его восхвалять, а затем я забрал драгоценности, и пошел на рынок камней, и сел покупать и продавать. А среди этих дорогих металлов был кружок с заклинаниями – изделие мастеров, весом в полритля, и он был красный, очень красный, и на нем были строчки, точно следы муравьев, с обеих сторон, и я не знал, какая от него польза. И я продавал и покупал целый год, а затем я взял кружок с заклинаниями и сказал: "Это лежит у меня долгое время, и я не знаю, какая от него польза". И я отдал его посреднику, и тот походил с ним, и вернулся, и сказал: "Ни один купец не дал мне за него ничего, кроме десяти дирхемов". И я сказал: "Я не продам его за такую цену". И посредник бросил мне кружок в лицо и ушел.

И я предложил его для продажи в другой день, и цена за него дошла до пятнадцати дирхемов, и я взял его у посредника, рассерженный, и бросил где-то у себя. И когда я сидел однажды, вдруг подошел ко мне человек и, поздоровавшись со мной, сказал: "С твоего разрешения, нельзя ли мне порыться в твоих товарах?" И я сказал: "Хорошо".

А я, о повелитель правоверных, был гневен из-за того, что завалился этот кружок с заклинаниями, и человек порылся в товарах и не взял из них ничего, кроме кружка с заклинаниями. И когда он увидел его, о повелитель правоверных, он поцеловал себе руку и воскликнул: "Хвала Аллаху!"

И затем он спросил: "О господин, продаешь ли ты его?" И мой гнев усилился, и я сказал: "Да!" И человек спросил: "Какая его цена?" – "А сколько ты дашь?" – спросил я. И он ответил: "Двадцать динаров". И я заподозрил, что он надо мной издевается, и сказал: "Уходи своей дорогой". И человек сказал мне: "За пятьдесят динаров". И я не ответил ему, и тогда он сказал: "За тысячу динаров!" И при всем этом, о

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

повелитель правоверных, я молчал и не отвечал ему, а он смеялся над моим молчанием и говорил: "Почему ты мне не отвечаешь?" – "Ступай своей дорогой", – сказал я ему и хотел начать с ним ссору, а он прибавлял тысячу за тысячей, но я не отвечал ему. И наконец он сказал: "Продашь ли ты этот кружок за двадцать тысяч динаров?" А я все думал, что он издевается надо мной, и люди собрались вокруг нас, и все говорили мне: "Продавай, а если он не купит, мы все пойдем против него, побьем его и выгоним из города".

И я спросил его: "Ты покупаешь или смеешься?" И человек ответил: "А ты продаешь или смеешься?" И я сказал: "Продаю!" И тогда человек молвил: "Он стоит тридцать тысяч динаров, возьми их и заверши продажу".

И я сказал присутствующим: "Засвидетельствуйте это, но только с условием, что ты мне расскажешь, какая от него прибыль и в чем его польза". – "Заверши продажу, – сказал человек, – и я расскажу тебе о его прибыли и пользе". И тогда я сказал: "Я продал тебе!" И человек воскликнул: "Аллах в том, что я говорю, поручитель!" И вынул золото, и вручил его мне, и, взяв ладанку, положил ее в карман. И затем он спросил: "Ты удовлетворен?" И когда я ответил: "Да", – он сказал: "Засвидетельствуйте, что он завершил продажу и взял деньги – тридцать тысяч динаров".

И затем он обратился ко мне и молвил: "О бедняга, клянусь Аллахом, если бы ты отложил продажу, мы бы прибавили тебе до ста тысяч динаров, нет – до тысячи тысяч динаров".

И когда я услышал, о повелитель правоверных, эти слова, кровь убежала от моего лица, и его покрыла с того дня желтизна, которую ты видишь. И затем я сказал ему: "Расскажи мне, в чем причина этого и какая польза от этого кружка". И человек сказал: "Знай, что у царя Индии есть дочка, лучше которой не видано, но у нее падучая болезнь. Царь вызывал обладателей перьев, людей науки и волхвов, но они не сняли с нее этого, и я сказал ему (а я присутствовал в собрании): "О царь, я знаю человека по имени Сад-Аллах-аль-Бабили, – нет на лице земли никого более сведущего в этих делах. Если ты решишь послать меня к нему, сделай это". – "Ступай к нему", – сказал царь. И я сказал ему: "Вели принести мне кусок карнеола". И царь принес мне большой кусок карнеола, сто тысяч динаров и подарок, и я взял это и отправился в страны вавилонские. Я стал спрашивать об этом старце, и мне указали к нему дорогу, и я дал ему сто тысяч динаров и подарок, и он принял это от меня, а потом он взял кусок карнеола и позвал гранильщика, и гот сделал из него ладанку. И старец провел семь месяцев, наблюдая звезды, пока не выбрал время, чтобы сделать надпись. И тогда он написал на кружке талисманы, которые ты видишь, и после этого я вернулся к царю..."

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил повелителю правоверных: "И тот человек сказал: "И я взял эту ладанку и принес ее к царю, и когда царь повесил ее на свою дочку, она сейчас же выздоровела, а она была привязана на четырех цепях, и всякую ночь у нее ночевала невольница, которую к утру зарезали. А когда на царевну положили эту ладанку, она тотчас же выздоровела, и царь сильно обрадовался этому, и наградил меня, и роздал большие деньги на милостыню, а потом он вставил ладанку в ожерелье царевны. И случилось, что в какой-то день она поехала на лодке со своими невольницами прогуляться по морю, и одна из невольниц протянула к ней руку, играя с нею, и ожерелье разорвалось и упало в море, и с того времени вернулся к царевне злой дух, и охватила царя печаль. И он дал мне большие деньги и сказал: "Ступай к старцу, чтобы он сделал ей ладанку вместо той". И я отправился к нему, но оказалось, что он умер. И когда я вернулся к царю и рассказал ему об этом, он послал меня с десятью человеками, и мы ходим по разным странам в надежде, что, может быть, найдем ей лекарство, и вот Аллах помог мне напасть на эту ладанку у тебя".

И он взял у меня ладанку, о повелитель правоверных, и ушел, и было это причиной желтизны, которая на моем лице. И потом я отправился в Багдад, взяв с собою все свои деньги, и поселился в том доме, где я жил раньше. И когда наступило утро, я надел свои одежды и пришел к дому Тахира ибн аль-Ала, надеясь, что, может быть, увижу ту, кого люблю, ибо любовь к ней непрестанно усиливалась в моем сердце.

И когда я дошел до его дома, я увидел, что оконная решетка обвалилась, и спросил одного юношу и сказал ему: "Что сделал Аллах со старцем?" И юноша ответил: "О брат мой, к нему пришел в каком-то году один купец, которого звали Абу-ль-Хасан, оманец, и провел с его дочерью некоторое время, а затем, когда его деньги кончились, старец выгнал его, сокрушенного сердцем, а девушка любила его сильной любовью. И когда юноша расстался с нею, она заболела сильной болезнью, так что дошла до смерти, и ее отец узнал об этом, и послал за юношей во все стороны, и поручился, что даст всякому, кто его приведет, сто тысяч динаров, но никто не увидел его и не напал на его след. А она до сей поры близка к смерти". – "А каковы обстоятельства ее отца?" – спросил я. И юноша сказал: "Он продал своих невольниц – так велико было то, что его постигло". – "Хочешь, я укажу тебе Абу-ль-Хасана из Омана?" – сказал я. И юноша воскликнул: "Ради Аллаха, о брат мой, укажи мне его!" И я сказал: "Пойди к ее отцу и скажи ему: "С тебя подарок за благую весть – Абу-ль-Хасан из Омана стоит у ворот".

И этот человек убежал, мчась, точно мул, сорвавшийся с жернова, и скрылся на некоторое время, а затем он пришел вместе со старцем, и тот, увидав меня, вернулся домой и дал тому человеку сто тысяч динаров, и он взял их и ушел, желая мне блага. А старец подошел ко мне и обнял меня, и заплакал, и спросил: "О господин мой, где ты был во время этой отлучки? Погибла моя дочь из-за разлуки с тобой! Войди со мной в дом".

И когда я вошел, старец пал ниц, благодаря Аллаха великого, и сказал: "Хвала Аллаху, который свел нас с тобой". И затем он вошел к своей дочери и сказал ей: "Исцелил тебя Аллах от этой болезни". – "О батюшка, сказала она, – я выздоровлю от моей болезни, только когда увижу лицо Абу-ль-Хасана". И ее отец молвил: "Когда ты поешь немного и сходишь в баню, я сведу вас".

И девушка, услышав его слова, воскликнула: "Правда ли то, что ты говоришь?" – "Клянусь Аллахом великим, то, что я сказал, правда", – молвил старик. И его дочь воскликнула: "Клянусь Аллахом, если я увижу его лицо, мне не нужно еды". – "Приведи твоего господина", – сказал тогда старец своему слуге, и я вошел. И когда девушка взглянула на меня, о повелитель правоверных, она упала, покрытая беспмятством, а очнувшись, она произнесла такой стих:

"Аллах разлученных сводит, хоть и не думали

И были уверены, что больше не встретятся".

А затем она села прямо и сказала: "Клянусь Аллахом, о господин мой, не думала я, что увижу твое лицо, если это не будет сон". И она обняла меня, и заплакала, и сказала: "О Абу-ль-Хасан, теперь я буду есть и пить!" – И принесли еду и питье.

И я провел у них, о повелитель правоверных, некоторое время, и девушка вновь стала такой же красивой, как прежде, и тогда ее отец позвал кади и свидетелей, и записал ее запись со мной, и устроил великолепный пир, и она – моя жена до сей поры".

И затем юноша удалился от халифа, и вернулся к нему с мальчиком, дивно прекрасным, со станом стройным и тонким, и сказал ему: "Поцелуй землю меж рук повелителя правоверных". И мальчик поцеловал землю меж рук халифа, и халиф изумился его красоте и восславил его создателя. И затем ар-Рашид ушел, вместе со своими людьми, и сказал: "О Джафар, это не что иное, как удивительная вещь! Я не видел и не слышал ничего диковиннее".

И когда ар-Рашид сел во дворце халифата, он сказал: "О Масрур". И Масрур ответил: "Здесь, о господин!" И ар-Рашид молвил: "Сложи под этот портик харадж Басры и харадж Багдада и харадж Хорасана". И Масрур собрал харадж, и оказалось, что это великие деньги, счесть количество которых может только Аллах. "О Джафар", – сказал затем халиф. И Джафар молвил: "Здесь!" И халиф сказал: "Приведи ко мне Абу-ль-Хасана". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал Джафар и привел его. И юноша, явившись, поцеловал землю меж рук халифа, и он боялся, что тот его потребовал из-за ошибки, случившейся с ним, когда халиф был в его жилище. "О оманец", – сказал ар-Рашид. "Я здесь, о

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

повелитель правоверных! Да сделает Аллах над тобой вечными свои милости!" – молвил Абу-ль-Хасан. И ар-Рашид сказал: "Приподними эту занавеску!"

А халиф приказал сложить деньги из тех трех областей и опустить на них занавеску. И когда оманец поднял занавеску перед портиком, его ум был ошеломлен обилием денег. "О Абу-ль-Хасан, – спросил халиф, – какие деньги больше – эти или те, которые тебя миновали за кружок с заклинаниями?" – "Нет, эти, о повелитель правоверных, больше во много раз", сказал оманец, и ар-Рашид молвил: "Засвидетельствуйте, о присутствующие, что я подарил эти деньги юноше".

И оманец поцеловал землю меж рук ар-Рашида, и устыдился, и заплакал от сильной радости, и когда он заплакал, слезы потекли из его глаз по щекам, и кровь возвратилась на свое место, и стало его лицо, как луна в ночь ее полноты. И халиф воскликнул: "Нет бога, кроме Аллаха! Хвала тому, кто изменяет одно положение на другое, а сам вечен и не изменяется!" И затем он велел принести зеркало и показал оманцу его лицо. И, увидев свое лицо, оманец пал ниц, благодаря Аллаха великого. А потом халиф приказал отнести к нему эти деньги и попросил оманца не порывать с ним близости для застольной беседы, и оманец посещал его, пока халиф не был взят к милости Аллаха великого. Да будет же хвала тому, кто не умирает, властителю видимого и невидимого царства!